

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

С.В. КСЕНЗОВ, к.и.н., доцент,
Белорусский государственный экономический университет

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН: ЭФФЕКТ КОЛЕИ

Политическая дезинтеграция являлась обычным явлением на просторах Восточной Европы с момента появления института государства. Периоды добровольной политической интеграции были непродолжительными, и дезинтеграция наступала в результате политической и экономической слабости интеграционного центра (Киева, Вильно, Москвы). Глубинные причины дезинтеграции восточноевропейских стран обусловлены различиями в ментальности славянских народов. Кросс-культурное исследование выявило значительную общность белорусской и украинской ментальности. У населения России имеется существенный потенциал предпринимательской способности. Что указывает на вероятность интеграционной активности Москвы. Пассивная интеграционная позиция Украины обусловлена «эффектом колеи».

Ключевые слова: дезинтеграция; интеграция; ментальность; эффект колеи.

Образование Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана и нежелание Украины вступать в эту интеграционную группу вызывают необходимость поиска причин дезинтеграционных процессов в Восточной Европе. Почему так упорно, вопреки экономическим интересам власти Украины не хотят интегрироваться с другими странами региона? Почему многие заявления и решения Москвы по вопросам восточноевропейской интеграции воспринимаются в других странах со скептицизмом? В чем глубинные исторические причины дезинтеграции восточноевропейских стран? Ответ на эти вопросы может помочь найти точки соприкосновения и усилить интеграционные процессы в Восточной Европе.

Тема экономической дезинтеграции получила ограниченное освещение в научной литературе. Политическая экономия распада государств преимущественно представляет собой оборотную сторону политической экономии интеграции. Интеграция и дезинтеграция изучаются как принципиально однородные явления; внимание к одному из этих двух процес-

сов определяется лишь фокусом конкретной работы [1]. Дезинтеграция восточноевропейских стран с позиций моделирования экономических процессов, рассматривается А.М. Либманом [2]. Нас интересует более широкая проблематика дезинтеграции, не ограничивающаяся экономическими явлениями. Исторический подход позволяет увидеть корни дезинтеграционных тенденций в Восточной Европе.

Политический сепаратизм родился в Восточной Европе с появлением института государства. Первое проявление его – основание в Полоцке самостоятельной великокняжеской династии Рогволодовичей в противовес Рюриковичам. В 1067 году в битве на Немиге киевские князья разбили сепаратистов и насильно объединили Русь. Но ненадолго. Уже через двести лет политический сепаратизм привел к завоеванию земель современной Украины и России монголами. Белорусские земли избежали этой участи, и здесь возникло новое государство Великое княжество литовское, жомойтское и русское, которое сохранило политические, экономические и идеологические институты древнерусского государства. В это же время создавалось Московское государство. В. Вольчик отмечает, что формирование института власти-собственности в России часто связывают с длительным господством властных институтов Золотой Орды. «В начале XV-XVI в.в. сформировались две модели собственности на землю как доминантный для того время хозяйственный актив, которые нами различаются: новгородская и московская. Московская модель характеризуется вотчинным землевладением, которое послужило в дальнейшем основой формирования института власти-собственности. Новгородская модель, напротив, отличается либеральным характером, фактически абсолютным правом собственности и многосубъектностью землевладения» [3]. Новгородские политические и экономические институты во многом были сходны с институтами Великого княжества литов-

© С.В. Ксензов, 2013

ского. Победа Москвы над Новгородом означала, что образовался первый барьер на пути безболезненной интеграции восточнославянских народов.

Новые барьеры стали формироваться после вхождения Великого княжества литовского в состав Речи Посполитой. Интеграционные процессы в этом государстве проходили на основе польской культуры и унии между католической и православной церквями. Дезинтеграция, следовательно, заключалась в борьбе с этими явлениями. Богдан Хмельницкий возглавил эту борьбу, что логически привело к объединению восточной Украины с Россией. В Западной Украине и Беларуси толерантно относились к интегрирующим институтам Речи Посполитой, что привело к утрате политической и экономической элиты. Украинские и белорусские феодалы в XVI – XVIII веках утратили в большинстве своем национальные корни, адаптировались к польской культуре. Народная культура, белорусский и украинский язык были сохранены в крестьянской среде.

В XVIII – XIX веках белорусы и украинцы в составе Российской империи пережили насильственную интеграцию. Губернский статус присоединенных в ходе разделов Речи Посполитой земель не предполагал никаких предпосылок для возрождения института государства. Влияние католической и униатской церкви было резко ослаблено. До середины XIX века шляхта в ходе восстаний стремилась возродить Речь Посполитую. Крестьяне эту идею не поддерживали, участвуя в восстаниях с целью избавления от крепостного права. Важную роль сыграла школьная реформа и языковая политика российского правительства во второй половине XIX – начале XX века. Были созданы благоприятные условия для развития народного образования, народного театра, для творчества писателей и деятельности издателей белорусской и украинской литературы. Шляхта, переходя с польского языка на белорусский и украинский, перестала ассоциировать возрождение государственности с восстановлением Речи Посполитой. Появляются движения и партии, которые выдвигают идеи о белорусском и украинском национальном государстве. В 1918 – 1920 гг. эти идеи были реализованы. С образованием в 1922 году СССР интеграционные процессы набрали мощь и на 70 лет объединили восточноевропейские народы в единое целое. С распадом СССР начинается новая эпоха дезинтеграции как политической, так и экономической. Причем инициати-

ва исходила от Украины и России.

Следовательно, политическая дезинтеграция являлась обычным явлением на просторах Восточной Европы с момента появления института государства. Периоды добровольной политической интеграции были непродолжительными, и дезинтеграция наступала в результате политической и экономической слабости интеграционного центра (Киева, Вильно, Москвы).

Дезинтеграция имеет исторические корни в менталитете народов, который формирует повседневная жизнь, обусловленная географическими, культурными и социальными факторами. Ментальность жителей Беларуси, России и Украины исследовалась нами на основе методики Геерта Хофстеда. Среди исследователей ментальности восточноевропейских стран, использующих кросс-культурный метод, отметим Ю.В. Латова и Н.В. Латову[4], Д. Майтри и Т. Брэдли[5], Л.Н. Пилипенко и Н.И. Литвиненко[7], Р. Кюстин[6]. Информационной базой нашего исследования являются данные по России Н.В. Латовой[5]; по Украине – Л.Н. Пилипенко и Н.И. Литвиненко[7]. Индексы менталитета 206 жителей Беларуси получены в ходе собственного опроса проведенного в 2011 году с помощью анкеты Хофстеда VSM 08[8]. При отборе респондентов мы руководствовались инструкцией Геерта Хофстеда, Герта Яна Хофстеда, Михаила Минкова и Хенка Винкена «Values Survey Module 2008» [9] и согласно этим рекомендациям особое внимание уделили разнообразию показателей возраста, образования и места работы. Были опрошены жители всех шести областей Беларуси. Опрос проводился в аудиториях Полесского государственного университета в г. Пинске среди студентов заочного и дневного отделений. Жители других регионов Беларуси опрашивались путем отправки анкет по почте и делегированием полномочий опроса студентам.

Индекс дистанции от власти (PDI) Беларуси составил 46, что соответствует показателям России в подсчетах Н.В. Латовой по Ярославлю и Нижнему Новгороду. Индекс индивидуализма (IDV) Беларуси составил 37 и более близок к украинским показателям (32 по Пилипенко и Литвиненко). Таким образом, соотношение PDI/IDV:

PDI/IDV Беларусь = 46/37

PDI/IDV Россия = 46/50

PDI/IDV Украина = 23/32

Повышенный индивидуализм российского менталитета и пониженная дистанция от власти украинского менталитета показывают, что для России характерен более высокий «дух» предпринимательства среди восточнославянских стран, а для Украины свойственна большая политическая активность граждан. Но если до нижнего показателя РДИ Австрии 11 Украина не дотягивает всего 12 пунктов, то России до самого высокого показателя индивидуализма США 91 – 41 пункт. Исторические причины предприимчивости россиян лежат в том, что им пришлось осваивать просторы Сибири и тихоокеанского побережья. В то время как украинцы так и не смогли заселить причерноморскую степь. Предприимчивые россияне освоили эту территорию в XVIII - XIX веках.

Показатель мужественности (MAS) позволяет оценить склонность людей к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальных успехах в ущерб интересам других людей. MAS Беларуси составил «10», MAS России – «41», MAS Украины – «-8». Такие низкие показатели маскулинности как в Украине и Беларуси, имеют только страны Северной Европы: Норвегия – «8», Швеция – «5». Объяснить подобный феномен можно тем, что Украина и Беларусь являются государствами победившего феминизма. Феминистская революция, начавшаяся в 1917 году в Российской империи, наибольшие результаты принесла в Украину и Беларусь. Равные права женщин и мужчин были реализованы не только на бумаге, но и в реальности. Это привело к тому, что в настоящее время Украина и Беларусь являются представителями «женской» цивилизации, простирающейся от Баренцева моря до Черного. Почему в России феминизм не дал подобных результатов? Во-первых, MAS России «41» – это достаточно низкий показатель по сравнению с MAS Японии – «95». Во-вторых, данный российский индекс демонстрирует тот факт, что, несмотря на феминистскую революцию в СССР, менталитет жителей России сохранил «мужские» черты в силу природных факторов и многонационального состава страны, в котором присутствуют восточные черты культуры.

Индекс долгосрочной ориентации (LTO) является показателем того, насколько общество ориентируется на долгосрочную перспективу в противоположность кратковременной ориентации на прошлое и настоящее, с уважением традиций и исполнением социальных

обязательств.

LTO Беларусь = 0

LTO Россия = 49

LTO Украина = 4.

Данная картина напоминает показатели маскулинности. Но чем объяснить то, что российский менталитет значительно ориентирован на долгосрочную перспективу и находится между китайским (LTO Китая «87») и американским (LTO США «26»). В то время как показатели LTO Беларуси и Украины равны соответственно «0» и «4», что сближает их ментальность с показателями ментальности жителей Венесуэлы («16») и Пуэрто-Рико («0»).

Краткосрочная ориентация менталитета жителей Беларуси и Украины была заложена в ходе исторического развития этих стран в X – XX вв. Многочисленные войны не позволяли жителям этих стран строить долгосрочные планы. А следование традициям в период иностранной оккупации позволило сохранить национальную культуру. Стремление к исполнению социальных обязательств в менталитете белорусов и украинцев объясняется тесными кровнородственными связями.

Нежелание Украины активно участвовать в евроазиатской интеграции во многом обусловлено историческим опытом. Политическая дезинтеграция являлась обычным явлением на просторах Восточной Европы с момента появления института государства. Периоды добровольной политической интеграции были непродолжительными, и дезинтеграция наступала в результате политической и экономической слабости интеграционного центра (Киева, Вильно, Москвы). Причем глубинные причины дезинтеграции восточноевропейских стран обусловлены не только этим, но и различиями в ментальности славянских народов. Кросс-культурное исследование выявило значительную общность белорусской и украинской ментальности. Во взглядах и поведении населения России проявляется склонность к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальных успехах в ущерб интересам других людей. Это говорит о существенном потенциале предпринимательской способности в этой стране. Значительная часть российского общества ориентируется на долгосрочную перспективу в противоположность белорусско-украинской кратковременной ориентации на прошлое и настоящее, с уважением традиций и исполнением социальных обязательств. Исходя из

данных фактов, очевидно, что интеграционные инициативы будут исходить из Москвы. И чем сильнее будет политическое, экономическое и идеологическое влияние России, тем интенсивнее будут проходить восточноевропейские интеграционные процессы. Пассивная интеграционная позиция Украины обусловлена «эффектом колеи». Негативный опыт политической и экономической интеграции (потеря суверенитета, «голодомор» и др.) вызывают украинские опасения по поводу восточноевропейских объединительных инициатив. Преодолеть эту тенденцию можно путем не заверений о том, что «Украина никогда не потеряет независимость», что «экономическая интеграция принесет процветание украинскому народу» и т.д. Реально Украина будет смотреть на положение и результаты интеграции в Таможенном союзе, Евразийском союзе Республики Беларусь. И если в течение продолжительного времени экономические показатели этой страны значительно улучшатся, если Беларусь будет иметь равные права с другими участниками объединения, если ее суверенитет будет неоспорим, то это и будет сигналом Украине, что колея закончилась.

Литература

1. Bolton P., Roland G. The Break-up of Nations: A Political Economy Analysis. // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. No. 4. pp.1057-1090; Ruta M. Economic Theories of Political (Dis)integration. // *Journal of Economic Surveys*. 2005. Vol. 19. No. 1. pp. 1-21.
2. Либман, А.М. Децентрализация, интеграция и регионализация: взаимосвязь и взаимовлияние /А.М. Либман// *Пространственная экономика*. – 2008. – № 4, С.19-35; Модели экономической интеграции. Интеграция и дезинтеграция /А.М. Либман, Б.А. Хейфец // *Евразийская экономическая интеграция* – 2011, –№2. – С. 4-18.
3. Вольчик В.В. Эволюция российского института власти-собственности / В. В. Вольчик // *Политологическая концептология*. – 2009. – №1. – С.164-165.
4. Латов Ю.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне / Ю.В. Латов, Н.В. Латова // *Общественные науки и современность*. – 2001. – №4. – С. 31-43; Латова Н.В. В какой матрице мы живем? / Н.В. Латова // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. – 2003. – Т.1. – №3. – с.89-94.
5. Mitry D.J., Bradley N. Managerial Leadership and cultural Differences of Eastern European Economies // *Cross-Cultural Consumer and Business Studies*. ACCBS, Ed. by Scott M. Smith. -1999.–Режим доступа: <http://marketing.byu.edu/htmlpages/ccrs/proceedings99/mitrybradley.htm>. Дата доступа: 22.09.2012.
6. Kustin R. A Study of Hofstede's Culture Value Survey in a Post-Soviet Country // *Journal of Transnational Management*. – 2006. – Vol.11. – №4. pp.1-17.
7. Пилипенко А.Н., Литвиненко Н.И. Исследование экономической ментальности и исторический подход / А.Н. Пилипенко, Н.И. Литвиненко. // *Научные труды Донецкого национального технического университета*. Серия: Экономическая. Выпуск 40-2. – Донецк, ДонНТУ, 2011, –с. 272-277.
8. Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, Michael Minkov, HenkVinken Values Survey Module 2008. – Режим доступа: <http://www.geerthofstede.nl/research-vsm/vsm-08.aspx>. Дата доступа: 22.09.2012.
9. Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, Michael Minkov, HenkVinken Dimension Data Matrix. – Режим доступа: <http://www.geerthofstede.nl/research-vsm/dimension-data-matrix.aspx>. Дата доступа: 22.09.2012.

Статья поступила в редакцию 03.01.2013